Митрополит Иларион: В жертвенной любви обретает смысл человеческое существование

6 января 2016 года гостем передачи «Церковь и мир», которую на телеканале «Россия-24» ведет митрополит Волоколамский Иларион, стал кинорежиссер, сценарист, продюсер, мыслитель Никита Михалков.

Митрополит Иларион: Здравствуйте, дорогие братья и сестры! Вы смотрите передачу «Церковь и мир».

В эти дни мы все отмечаем один из самых светлых и самых любимых праздников – Рождество Христово. Каждый человек знает, что этот праздник посвящен рождению и приходу в мир Иисуса Христа. В сознании людей Рождество тесно связано с понятиями добра, света, чуда и, конечно, с понятием праздника.

Пройдя сквозь целый век безверия, мы едва не лишились этой и многих других традиций нашего христианского народа. Человеку, который сегодня у меня в гостях, принадлежат такие слова: «Я убежден, что все то ужасное, что случилось с нашей страной и русскими людьми в XX веке, на сто процентов связано с безверием». Я рад сегодня приветствовать в нашей студии кинорежиссера, сценариста, продюсера, мыслителя Никиту Сергеевича Михалкова.

Здравствуйте, Никита Сергеевич!

Н. Михалков: Здравствуйте, владыка!

Владыка, я слушал Ваше вступительное слово и подумал, что мы действительно могли потерять не только праздник Рождества, но и сам праздник жизни во Христе, потому что в течение такого количества лет затаптывалось, истреблялось, оскорблялось то, что определяло сущность русского человека, и казалось, что подняться из этого невозможно. Мне даже какое-то время назад показалось, что православное христианство – одна из самых молодых религий, по крайней мере, в России, потому что эта религия проросла как росток. Помните эти разрушенные церкви? И вдруг из разрушенного купола березка растет, такая молодая, маленькая, только развивается. Страшное апокалиптическое зрелище разрухи, и вдруг эта жизнь, которая залетела туда и растет. Точно так же, словно росток сквозь асфальт, прорастало в России возвращение к Православию. Потом это стало в какой-то степени модой, но самое главное, не было утеряно ощущение праздника от веры.

Митрополит Иларион: Я считаю, что для нашего народа возвращение к вере стало самым большим чудом XX века. Потому что, действительно, веру всячески пытались затоптать, спрятать, уничтожить. Сколько предпринималось для этого усилий, начиная с физического истребления духовенства, уничтожения церквей, о чем Вы сказали, и вплоть до мощной идеологической борьбы, которая велась против Церкви на протяжении 70 лет. И как только у людей появилась возможность свободно вздохнуть, первое, о чем они вспомнили – это вера. Мы все помним конец 80-х, начало 90-х годов, когда люди в массовом порядке начали приходить в храмы, креститься, когда священник в день крестил по 200, 300, 400 человек. Наши батюшки буквально падали с ног.

Никто ничего подобного не мог ожидать. Это действительно было возвращение праздника веры и праздника жизни, потому что люди по-новому смогли взглянуть на жизнь. Времена были непростые и за ними наступили тоже непростые времена. Что людям помогало пережить эти времена? Трудные 90-е годы, когда нечего было есть, когда теряли работу, когда уходила почва из под ног. И люди обрели новую почву под ногами – веру, давшую жизни совершенно иное измерение.

Н. Михалков: Вы знаете, владыка, это ведь огромный труд.

Господь так управил, что я был с детства воцерковлен моей матушкой. И отец будучи тем, кем он был, давал возможность этому существовать, не принимая в этом участия. Когда его вызвали в ЦК и спросили, как же так, он ответил: «Вы понимаете, моя жена старше меня на 10 лет, когда умер Ленин, ей было 14 лет, я не могу ее переделать. Вы хотите, чтобы я сейчас ей запретил этим заниматься? Она не поймет меня». И это оставили.

Но многие воспитывались совсем в других условиях. Приведу пример. Один довольно молодой генерал, с которым мы разговорились, сказал: «Вот я прихожу в буддистский храм, прихожу в мечеть, в костел, я себя чувствую комфортно, потому что я там турист, мне интересно рассмотреть это и то, мне рассказывают об обычаях. Но когда я прихожу в православный храм – это мое, а я не знаю, как все это происходит. Я не могу механически креститься. Я не знаю, как это делать по-настоящему». Слушая его, я вспомнил слова одного батюшки, к которому обратилась жена моего товарища: «Батюшка, я читаю Псалтирь каждый день. Я половину не понимаю». Он ей сказал: «Ты читай – бесы все понимают. Ты главное читай. Делай свое дело».

И так же я говорю знакомому генералу: «Ты ходи». Он говорит: «Я не верю» – «Все равно ходи». Через год я совершенно случайно встретил его в храме. Спрашиваю: «Ну как?» – «Все нормально». Он пришел к этому. Вы представьте себе, какая в человеке произошла ломка. Ему ведь говорили, что Бога нет. Естественно, он член партии, он был в серьезных спецорганах. Помните, что многих наших руководителей называли «подсвечники» – они стояли со свечами в церкви, при этом ничего

не понимая, не слыша, вопреки коммунистической идеологии, просто потому, что так надо было стоять. Но он к этому изначально относился как к фарисейству. А когда стал тянуться к вере, чтобы понять, ощутить, у него начала раскрываться душа. Но понимание, что это духовная баня очищения от всей скверны, проблем и так далее, и что в храме существует равноправие, когда и государь, и нищий абсолютно равнозначны перед престолом – таким людям дается намного труднее, чем тем, кто с детства ходят в храм. А когда такая метаморфоза происходит с человеком, первоначально далеким от Церкви – это очень достойно. Я очень зауважал этого парня.

Митрополит Иларион: Вы сказали о том, что имеет прямое отношение к сути религиозной жизни. Ведь некоторые люди думают, что быть религиозным означает иметь определенное мировоззрение или убеждения, или некую сумму знаний. Вот верующий человек – это тот, который признает, что есть Единый Бог, а вот христианин – это тот, кто Иисуса Христа считает Сыном Божиим и так далее. И это действительно так, но этим совсем не исчерпывается религиозная жизнь. Часто спрашивают : «Почему у вас богослужение такое архаичное?» Ведь есть же, допустим, христианские традиции, где богослужение давно стало современным, там используют эстрадные инструменты…

Н. Михалков: Сидят…

Митрополит Иларион: Да, но это особая история, потому что и в древних монастырях сидели на богослужении, и на Афоне сидят. А вот когда нам говорят, что тексты непонятные и в древних монастырях музыка архаичная, и вся жестикуляция, и хореография, из которой состоит богослужение – для чего это все? Говорят, что современному человеку все это не понятно, надо бы упростить, перевести на русский язык.

Все это мне напоминает рассуждения людей, которые говорят, что непонятна симфоническая музыка Баха, Брамса, Бетховена. Она действительно сейчас для многих непонятна, но не потому что она плохая или малодоступная сама по себе, а потому что люди перестали воспитывать в себе вкус к высокому искусству. Что нужно сделать, чтобы симфония Брамса стала понятной? Переложить ее для ансамбля эстрадных инструментов? Не думаю, что она от этого выиграет.

Богослужение для многих становится возможностью встречи с Богом совсем не потому, что они услышали какие-то слова, а потому, что они туда пришли, окунулись, как Вы сказали, в эту очищающую баню или возрождающую купель, почувствовали что-то, с чем в жизни прежде не соприкасались. Когда послы князя Владимира по его заданию выбирали веру и пришли в Константинополь, там была служба на греческом языке. Мы уверены, что они ничего не поняли, ни одного слова. И тем не менее, они вернулись и сказали: «Мы такого никогда не видели и представить себе не могли. Мы не можем сказать, что там происходит, но мы знаем, что там Бог с

людьми общается». И подобное чувство охватывает многих людей, когда они приходят в храм.

Н. Михалков: Михаил Чехов пришел на спектакль «Король Лир», который шел на иврите. Он не понимал ни одного слова, но рыдал вместе со всеми, кто сидел рядом, потому что не в словах дело, а в импульсе и в той энергии рождения слова.

Литургия рождена, мне кажется, не от слова. Может быть, я ошибаюсь, Вы меня поправите. Литургия вокабулирует энергию веры и чувства, а не наоборот. Когда человек хочет, чтобы ему на словах объяснили то, что не поддается объяснению, это значит, что он не включил в себе то чувство, благодаря которому он может постичь все без слов.

Это как музыка. Любое искусство, как, опять же, сказал Михаил Чехов, пытается быть похожим на музыку: и литература, и поэзия, и архитектура. Почему? Потому что музыка, как говорил Бергман, – это то абстрактное, что попадает в сердце, минуя промежуточную посадку в области интеллекта. Вера, на мой взгляд, должна попадать в сердце, минуя промежуточную посадку в области интеллекта. А уже потом результат этой веры – поступки человека, который прорабатывает это и поступает в зависимости от своего образовательного ценза: университет он окончил или нигде не учился. Но результат вот этого эмоционального удара, эмоционального проникновения осмысливается и превращает энергию в поступки.

Митрополит Иларион: Поскольку дни рождественские, мне бы хотелось напомнить о том, что в центре нашей религиозной традиции стоит совершенно уникальная, особая личность, такая, какой не было в истории –личность Иисуса Христа. С чем многие люди соприкасаются, когда берут в первый раз Евангелие? Они многого из него не понимают, потому что события, описанные в Евангелии, происходили давно, две тысячи лет назад в какой-то совершенно иной культуре, когда люди мыслили по-другому, жили в другом ритме. Но те, кто начинают читать Евангелие, вдруг чувствуют, что за всеми словами и между строчками есть живая, совершенно уникальная и притягательная личность Иисуса Христа.

В Евангелии есть рассказ о том, как первосвященники и старейшины послали своих слуг схватить Иисуса, потому что хотели с Ним расправиться. Но слуги вернулись без Него. Их спрашивают: «Почему вы Его не привели?» На что они ответили: «Никто никогда не говорил так, как этот Человек говорит» (см. Ин. 7. 32-53).

Вот какое впечатление получали люди от слов Спасителя. Причем эти слушатели, которые собирались вокруг Него когда Он проповедовал, задавали себе вопрос не столько о том, что Он имеет в виду, сколько о том, что вообще происходит здесь. Потому что Он, рассказывая притчи, рисовал некий образ, Он говорил, например, о каком-нибудь сыне, ушедшем от отца и затем вновь

возвратившемся в отчий дом (см. Лк. 15.11-32). И в притче каждый человек мог услышать про себя, узнать свою историю.

Почему эти притчи спустя две тысячи лет продолжают воздействовать на людей с той же силой, с какой они воздействовали тогда? Потому что они универсальны. Они проецируются на жизнь каждого человека, и каждый узнает в них свой опыт. А если попытаться все это учение рассмотреть с точки зрения философии и извлечь мораль, задаваясь вопросом, что собственно имел в виду Спаситель, что Он конкретно хотел доказать – ответить будет сложно. Это тоже как музыка. С этим мы соприкасаемся в личности Иисуса Христа.

Н. Михалков: Евангелие каждый раз открывает для тебя что-то, что тобой пропущено или неправильно понято. Как это ни странно, но оно все более и более упрощается в твоем понимании, становится таким понятным. Я лично понял, что заставило этих людей убить Христа: зависть, страшная зависть. Такая бытовая, такая простая и такая неистребимая: почему Ты это можешь, а мы нет?

Да, кто-то видел в этом потерю своей власти, богатства, славы и так далее. Но многие говорили: «Уйди отсюда, уходи, уходи, мы так хорошо жили без Тебя. У нас все было хорошо. Зачем Ты будоражишь наши чувства? Зачем Ты будоражишь нашу совесть? Нам так было хорошо и спокойно с этой совестью жить. Уходи отсюда».

Поразительно такое чувство, когда человек не хочет дотянуться до того, кто выше него, а пытается стащить его до своего уровня. Есть две фразы, на первый взгляд схожие между собой: «хочу быть понятным» и «хочу быть п*о*нятым». Но, тем не менее, «хочу быть понятным» означает самому опуститься до уровня тех, кто хочет, чтобы ты был им понятен, а «хочу быть п*о*нятым» – это поднять до своего уровня того, кто хочет понять. Когда Христос говорит, то пытается быть п*о*нятым, а они хотят, чтобы Он был понятным. А Он говорит: «Нет, по вере вашей воздастся вам (см. Мф. 9.29), имеющий уши да слышит, имеющий глаза да видит. Больше не буду ничего объяснять». И этого Ему не прощают.

Митрополит Иларион: Вы очень точно подметили, что когда Христос беседовал с людьми, то поднимал собеседника до Своего уровня, по крайней мере, пытался это сделать. Например, это видно из беседы Иисуса с самарянкой. Она говорит Ему о земных вещах: о колодце, у которого они встретились, о том, на какой горе надо поклоняться Богу, а Господь ей говорит совсем о другом, то есть она живет в одной реальности, а Он ей раскрывает другую. Она говорит: «Отцы наши поклонялись Богу на этой горе, а вы говорите, что место, где должно поклоняться, находится в Иерусалиме». А Он ей отвечает: «Поверь Мне, что наступает время, когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу. Настанет время и настало уже, когда истинные

поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе. Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине» (см. Ин. 4.5-24).

Христос создает новую религию. Почему у Него был такой острый конфликт с книжниками и фарисеями? В наше время это может удивлять, ведь, казалось бы, почему нельзя было сгладить эти острые углы?

Сегодня некоторые пишут, что это вообще был такой внутрисемейный конфликт. Вроде как спорили об интерпретации закона Моисеева, а на самом деле там был спор о существе религиозной жизни, в чем состоит религиозность. Для фарисеев религиозность состояла в том, чтобы создать некую сумму правил и потом этим правилам неуклонно следовать. А так как этих правил было слишком много и они были трудны для исполнения, то параллельно создавалась система, в каких случаях эти правила можно нарушить. Сохранилось множество томов этого периода со сводами правил и исключений. И вот в этом видели религиозность.

Христос говорил о совсем другой религиозности. Он говорил, что религиозность человека должна, в первую очередь, проявляться в его делах. Человек не может любить Бога и при этом не помогать ближним. Он говорил, что на Страшном суде людей будут судить по их поступкам, а не по тому, что они исполнили те или иные предписания. Получается, что Иисус Христос принес в этот мир совершенно новую религию, совершенно новый тип взаимоотношений между человеком и Богом.

Мы относимся к Богу не как к Кому-то, Кто нам навязал сумму правил, которые мы должны исполнить: если мы их исполним, то получим награду, а в противном случае будем наказаны. Мы не живем в страхе оскверниться, как те фарисеи, которые боялись оскверниться, прикоснувшись к чему-то, что они считали нечистым. И они же думали, как бы, с одной стороны, не нарушить закон, а с другой, как бы его так обойти, чтобы это все было в рамках допустимого. У нас совершенно другое отношение. У нас сыновнее отношение к Богу. Мы к Богу относимся с доверием и любовью. И это та совершенно новая парадигма взаимоотношений между человеком и Богом, которую Христос принес в этот мир.

Н. Михалков: Ю. Алешковский сказал гениальную фразу, которая меня поразила: «Свобода – это абсолютное доверие Богу». Не вера, а именно доверие. «В руце Твои предаю дух…» (см. Лк. 23.46).

Вы посмотрите, насколько удивительна возможность Спасителя разговаривать с человеком на том уровне, на каком этот человек находится. С самаритянкой Он говорит абсолютно не нравоучительным языком, Он ее слушает, Он с ней разговаривает на уровне ее представления о мире. С фарисеями Он говорит совершенно по-другому. Он их клеймит.

Но самое потрясающее, и в этом, я считаю, наша православная вера уникальна – то, что невидимое присутствие Христа ощущается любым верующим человеком в любое время. Во время греха ты не хочешь, чтобы Он стоял рядом, но ты знаешь, что Он есть. И Его присутствие априори для тебя естественно, ибо ты знаешь (может, это звучит неправильно), что Он – свой.

Когда говоришь: «Господи, что же мне так плохо», и намного реже : «Господи, за что мне, подлецу, так хорошо», – в этом проявляется человеческая неблагодарность. Моя мама говорила: «Не спрашивай за что, спрашивай – зачем». Когда ты не жалуешься, сразу возникает потрясающее значение присутствия Господа. Кто-то из старцев сказал: «Никогда не требуй справедливости у Бога, если Он был бы справедлив, Он бы давно тебя наказал». Так вот когда тебе плохо и ты существуешь только в вопросе «за что?», то важно изменить свое видение и постараться понять, зачем, а не за что это послано. В этом есть бесконечность жизни – чтобы ты мог иметь возможность понять и исправить. Для меня это самое божественное.

Митрополит Иларион: Когда мы говорим о значении Рождества Христова, то, прежде всего, думаем о том, что Бог пришел к нам – то есть, если раньше людям нужно было собственными средствами преодолевать неизмеримое расстояние между собой и Богом, то здесь Сам Бог его преодолел. Он пришел к нам, и Он не просто среди нас, а внутри нас. Когда мы причащаемся Святых Христовых Таин, то принимаем Бога внутрь себя. Это совершенно поразительная степень близости между человеком и Богом.

На иконе Рождества Христова мы видим женщину с младенцем, и более привычной сцены для человеческой жизни невозможно себе представить. Но тем не менее, мы знаем, что эта женщина – Божия Матерь, а этот младенец – Сам Воплотившийся Бог. Когда мы читаем о жизни Иисуса Христа, когда читаем в Евангелиях, как Он шел на смерть, мы видим, что Он совершенно сознательно шел, Он не уклонялся от смерти…

Н. Михалков: Хотя, Его слова: «Да минует Меня чаша сия» (см. Мф. 26. 39)…

Митрополит Иларион: По-человечески…

Н. Михалков: Это самое пронзительное.

Митрополит Иларион: Он боялся смерти по-человечески, потому что Он был абсолютно реальным Человеком. Он не был бы им, если бы просто с гордо поднятой головой шел на страдания. Но Он боялся смерти. Он говорил: «Душа Моя скорбит смертельно» (см. Мк. 14. 24). В этих кратких лаконичных евангельских словах мы узнаем реального Человека, такого же как мы,

но свободного от греха.

Мы понимаем, что грех – это не то, что присуще нам, людям, по природе; это то, от чего мы можем освободиться. Но жертвенная любовь и готовность Бога и Его желание быть с нами, среди нас и внутри нас – это то, что более всего поразительно в христианстве; благодаря этому христианство всегда будет актуально, современно, открывая каждому человеку новые горизонты. В жертвенной любви обретает смысл человеческое существование.

Я хотел бы поздравить Вас и всех наших телезрителей с праздником Рождества Христова и пожелать, чтобы Христос присутствовал в нашей жизни через Свое Евангелие и через Свою Церковь.

Служба коммуникации ОВЦС

Источник: https://mospat.ru/ru/news/49875/